

**В** отечественном информационном поле о Даркнете мы узнаем лишь из диких сюжетов вроде мытарства математика Дмитрия Богатова, будто бы ставшего жертвой технологической неграмотности российской Фемиды. На самом деле с грамотностью у Фемиды все в порядке, а год жизни преподавателя Московской финансово-юридической академии всего-навсего отнесли на алтарь воспитательной работы по отваживанию граждан от привычки реагировать на мобилизационные призывы Навального.

Совсем иначе обстоят дела в забугорных СМИ, где Даркнету доверили роль культового Монстра, правда, с удивительно привлекательной физиономией. Кажется, что эта привлекательность неслучайна.

Если вы наберете в поисковой строке «Гугла» Darknet, то узнаете, что это:

— недоступная для индексации «тайная» часть мировой компьютерной сети, которая как основа айсберга занимает чуть ли не 99% всего информационного пространства;

— излюбленная площадка для общения хакерских групп, наркоманов, террористов, наемных убийц, солдат удачи, криптовалютчиков, но главное — педофилов и соотрудников секретных убийных отделов, связанных с государственными структурами;

— территория inferнальных отношений, которая включает незаконные сюжеты вроде торговли наркотиками, людьми, редкими животными, а также частными услугами слежения и заказных убийств.

Заинтересовались? Еще бы! На это, как я понял после целенаправленного продолжительного изучения Даркнета, все и рассчитано.

Исторически Даркнет уходит корнями в одно из самых модных течений интеллектуального инфантилизма 30-летней давности — криптоанархизма. В августе 1988 года американский инженер и радикальный интеллектуал Тим Мэй (духовный брат Тимоти Лири и Наума Хомского) распространил на конференции Сгурто'88 «Манифест криптоанархиста», в котором были возбуждающие неокрепшие умы юных социопатов строки:

«Компьютерные технологии стоят на пороге того, чтобы дать возможность отдельным людям и группам общаться и взаимодействовать абсолютно анонимно. Два человека смогут обмениваться сообщениями, заниматься бизнесом, заключать электронные контракты, не имея возможности установить подлинное имя и личности друг друга. Взаимодействие в Сети невозможно будет отследить из-за многократных изменений маршрутов зашифрованных пакетов и предупреждающих от несанкционированного вмешательства блоков, которые наделяют криптографические протоколы практически идеальной защитой... криптоанархия позволит свободно торговать национальными секретами, а также незаконными препаратами и краденым».

**В** 1991 году Фил Циммерман придумал программу PGP (Pretty Good Privacy) для шифрования переписки. Американское государство для проформы повоевало с Циммерманом в судах, а затем вдруг отступило, негласно признав «поражение».

Помещаю «поражение» в кавычки, потому как трафик в интернете, содержащий зашифрованный PGP-текст, выявляется на ура в считанные секунды — заинтересованные структуры вместо того, чтобы судиться с Циммерманом, должны были сразу поставить ему прижизненный памятник за разработку способа эффективного самообнаружения пользователей, заслуживающих дальнейшей проработки.

В середине 90-х криптоанархисты замутили черный рынок информации BlackNet с собственной валютой ScurtoCredits и биржей-казино, принимающей ставки на скорую смерть тех или иных политических деятелей. Государственные структуры,

однако, все эти игрушки даже не заметили, поэтому к моменту рождения «нового мирового порядка» (11 сентября 2001 года) самопальные «секретные» и «подпольные» криптозащищенные сети самоликвидировались за полной невостребованностью.

О рождении подлинного «Темного интернета» мир заговорил в 2004 году, когда Фонд электронных рубежей (Electronic Frontier Foundation), среди основателей которого числился почивший полгода назад Джон Перри Барлоу, автор культовой «Декларации независимости интернета», взял под свое крыло разработки компьютерной сети нового поколения, основанной на т.н. «луковой маршрутизации». Так появился на свет TOR, олицетворяющий сегодня Даркнет со всеми его хтонически-привлекательными ужасами.

«Луковую маршрутизацию», как, собственно, и сам интернет, придумали американские военные в середине 90-х годов. Если объяснять ее смысл на пальцах, получится следующее.

Данные в Сети, построенной на «луковой маршрутизации», распространяются по серверам трех типов:

— конечных (входных и выходных) узлов, с помощью которых информация вводится в TOR и выводится из нее;

— промежуточных узлов, между которыми информация в случайном порядке микшируется;

— мостов или специальных трансляторов, адреса которых публично не афишируются во избежание их блокировки репрессивными структурами.

Принято считать, что уязвимыми серверами являются только входные и выходные узлы, поскольку они напрямую общаются с обычным интернетом (на одном таком выходном узле и сидел Дмитрий Богатов, поэтому вычислить его не составило труда).

Теоретически говорить о нарушении анонимности все-таки можно, но только в том случае, если допустить существование некоего ключа доступа или алгоритма, который бы позволил незаметно войти в любой промежуточный узел для того, чтобы затем складывать воедино все составляющие раздробленного сообщения.

Поначалу отношение американских властей к TOR было неприязненное. По крайней мере, на публике. Ситуация усугубилась в 2010 году, когда стала активно распространяться первая массовая крип-

« TOR в странах свободного мира сегодня рекламируется не как пристанище inferнальных извращенцев, а как действенный инструмент борьбы граждан «тоталитарных государств» за поправную свободу »

товалюта — биткоин, которая обеспечила (опять же — в теории) анонимность платежей. В феврале 2011 года в сети TOR был открыт магазин «Шелковый путь», в котором массово и бойко велась торговля самой разнообразной «дурью».

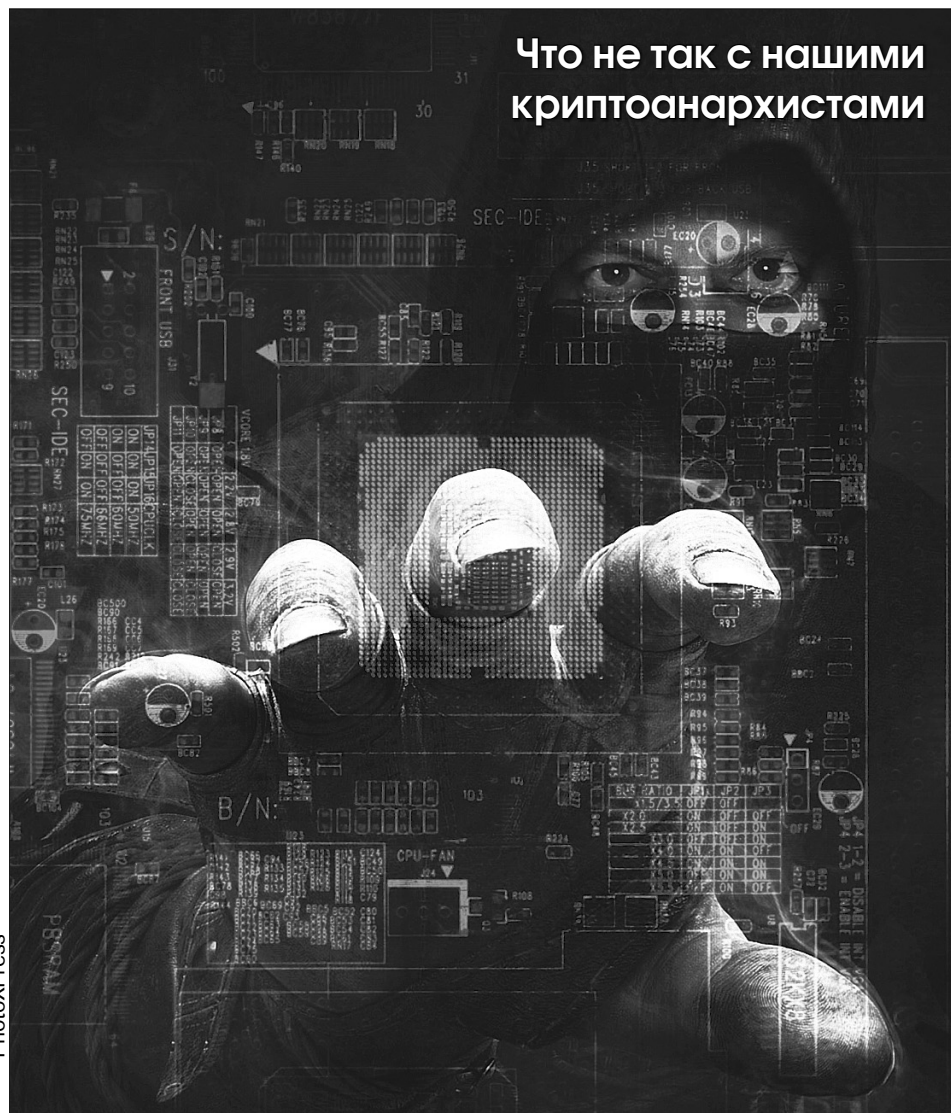
Счастье наркоманов длилось недолго: в октябре 2013 года ФБР «Шелковый путь» каким-то чудом вычислило, хозяина заведения — Росса Ульбрихта — отправило на пожизненное без права досрочного освобождения, а все его биткоины (по нынешнему курсу на сотни миллионов долларов) конфисковало.

Криптоанархическая тусовка пороптала-пороптала, да и успокоилась: на место разгромленного «Шелкового пути» пришли сотни и тысячи новых магазинов, где за криптовалюту предлагается все, что душа пожелает: от международных паспортов любого государства до купленных на ворованные кредитки айфонов и оружия.

Даже тот факт, что доставка приобретенного товара осуществляется по обычной почте (на том основании, что ее, мол, в свободном мире не перлюстрируют),

# Даркнет

## Мухоловка



Что не так с нашими криптоанархистами

В какой-то момент Фонд электронных рубежей неприметно и бесшумно выделил TOR в отдельную структуру — Tor Project, а затем — столь же неприметно и бесшумно — финансированием этой структуры занялись не независимые общественные фонды, а — surprise! — правительство Соединенных Штатов в лице разнообразных своих департаментов, которые стали обеспечивать 80% бюджета TOR с формулировкой «для помощи защитникам демократии в авторитарных государствах». Остальные 20% поступают от европейских правительственных структур, НКО и частных лиц.

Сразу необходимо сделать оговорку, что не существует прямых доказательств того, что у дяди Сэма, придумавшего «луковую маршрутизацию», в кармане лежит ключ, позволяющий внедряться в любой промежуточный узел сети TOR. Впрочем, нет и доказательств обратного.

При любом раскладе источники финансирования криптоанархического подполья, в моем представлении, автоматически лишают TOR доверия в плане анонимности и приватности. Тем более непонятно, кому могут потребоваться демонстративно обособленные мухоловки, если для обеспечения полноценной анонимности и приватности в самом открытом интернете существуют сотни прозрачных и проверенных инструментов.

**Сергей ГОЛУБИЦКИЙ** — специально для «Новой»

**Д**остаточно провести в Даркнете пару часов, чтобы не осталось сомнений: подавляющее большинство серверов в нем поддерживается дилетантами, не до конца освоившими даже азы программирования. Анализ текстов этих серверов многое говорит о возрасте дилетантов: экзальтированные и доверчивые подростки, самозабвенно цитирующие с грамматическими ошибками манифесты о криптоанархии и цифровой свободе.

В картине «TOR как мухоловка» недостает какого-то мазка. Вот этого.